

Цинь Цзюнь помолчала несколько мгновений. — Редко слышу от тебя рассказы о матери.

— У принцессы рядом император, да и драгоценные наложницы окружают её заботой. Слишком много знать о прошлом наложниц — лишь лишнее беспокойство, — ответила Цзиньсю, помогая Цинь Цзюнь надеть мужской халат. — Теперь всё готово.

Цинь Цзюнь кивнула, взглянув на стоявшую в стороне табличку с именем Ли Юэин. Она уже собиралась что-то сказать, но, обернувшись, увидела, как Цзиньсю подносит к глазам Цзи Сы миску с каким-то грязно-жёлтым веществом.

Уголок губ Цзи Сы дёрнулся. — Я сама скрою лицо. Не нужно гримировать.

Цзиньсю ничего не сказала, лишь посмотрела на Цинь Цзюнь, молча спрашивая её мнения.

Цинь Цзюнь задумалась на мгновение. — Хм, ничего странного, если у молодого господина будет несколько красивых служанок. Пусть будет так. С сегодняшнего дня моя фамилия — Хэ. Зовите меня господином.

Цзиньсю:

— Слушаюсь.

Цзи Сы слегка улыбнулась:

— Хорошо, господин.

Цинь Цзюнь кивнула, велела всем отправляться в путь и, погрузив с десятков ящиков с товарами, двинулись на север, в Яньбянь, под видом торговцев.

Путь из Цянью в Яньбянь занимал никак не меньше полумесяца. Застава Юйланы на границе Яньбяня была местом, где сходились земли трёх государств: Ляо, Ху и Цинь-Чжоу. Сюда же съезжались купцы и из других стран. На севере зима приходила рано и задерживалась надолго, но если поторопиться, можно было успеть к завершению пограничного рынка.

За пределами Яньбяня жили не только подданные этих трёх держав. Пять хусских племён, десятков царств, Ляо и земли западнее его — мелких владений и княжеств было не счесть. Они то и дело воевали друг с другом, названия их менялись, поэтому чаще всех их вместе именовали просто Ху и Ляо. Из Западного края тоже приезжали люди на волах, чтобы торговать.

Пограничный рынок — это место, которое страны выбирали на стыке границ для торговли. Оно оставалось спокойным сотни лет, и даже войны его не затрагивали, что обеспечивало процветание торговых путей и кормило десятки тысяч жителей Яньбяня.

На севере, в Яньбяне, был свой рынок, на юге, за стеной, — свой. Все они были устроены схоже: открывались зимой, в пору затишья в полях. Но поскольку валюты стран не были взаимно convertible, расчёты на рынках шли в основном золотом, серебром или же прямым обменом товара на товар.

В пути караван из десяти человек вёз десять телег. Благодаря проездным документам из Верхней столицы они почти не встречали задержек. Останавливались лишь, чтобы купить еды или дать передохнуть лошадям, в городах и деревнях по пути почти не задерживаясь.

Чем дальше на север, тем свирепее становились ветер и снег. Цинь Цзюнь снова достала и надела отложенную было толстую шубу. Путешествуя день и ночь, они добрались до Яньбяня лишь спустя больше десяти дней.

Над воротами висела табличка: «Пограничный город». За стенами жёлтый песок был плотно укрыт белым снегом. Цинь Цзюнь, закутанная в шубу, позволила Цзи Сы обхватить её за талию и спустить с телеги, твёрдо поставив на землю. У ворот стража окликнула их:

— Откуда будете?

Цзиньсю достала из-за пазухи проездные документы и торговое свидетельство от двора. После расспросов о том, откуда они, стража, узнав, что это торговцы лошадьми из Верхней столицы Цинь-Чжоу, выдала флаг, который водрузили на телегу. После этого их впустили в город, чтобы найти место для разгрузки товара.

Внутри города несколько смуглых мужчин в разношёрстных меховых кафтанах и полубюбках, приглядывающих за скотом, с любопытством разглядывали караван Цинь Цзюнь.

— Торговцы лошадьми? — вдруг крикнул один детина. — Торговцы лошадьми?

Торговцы лошадьми могли покрывать большие расстояния, скупая товары по всей Поднебесной для обмена на пограничных рынках. Поэтому в Яньбяне они ценились больше всех. За ними шли обычные купцы, что ездили на ослах, верблюдах или быках между двумя-тремя местами, перепродавая одни и те же товары. Хуже всех приходилось пешим торговцам, что таскали свой товар на себе, ведя мелкую торговлю, чтобы прокормить семью.

— Торговцы лошадьми из Цинь-Чжоу! — кто-то, заметив флаг на телеге, завопил во весь голос.

Толпа купцов в пёстрых одеждах тут же окружила их.

— Господин! Овечьи шкуры нужны?

— Господин! Отборные овцы и кони!

— Господин, у меня виноградное вино есть, руда редкая, диковинки!..

Тёмных стражей было мало, они едва сдерживали напор лезущих вперёд торговцев. Видя это, стража у ворот выделила небольшой отряд, чтобы навести порядок и оттеснить от каравана осаждавших его разносчиков.

— Зима уже на исходе, отчего в городе всё ещё столько торговцев? — Цинь Цзюнь приоткрыла занавеску и украдкой глянула на улицу одним глазом.

— Не глазей, — Цзи Сы прикрыла ладонью глаза Цинь Цзюнь и втянула её обратно в повозку.

Цинь Цзюнь с любопытством спросила:

— Что такое?

Цзи Сы невозмутимо ответила:

— Нас мало. Сокровище в руках — беда для владельца.

Цинь Цзюнь подумала и сказала:

— Сегодня отдохнём. Сходим в управление, оформим бумаги, заплатим, чтобы нам выделили солдат. А завтра уже на рынок торговать.

С трудом отыскав постоянный двор, они увидели, что торговцы, следовавшие за караваном, тоже пришли туда и облепили самую большую повозку, вытягивая шеи в надежде увидеть важного господина внутри.

— Торговцы лошадьми из Цинь-Чжоу! Из Верхней столицы! — Дядюшка Ван встал рядом с караваном и вместе с Тёмными стражами сдерживал напивавших пеших торговцев и разносчиков. — В повозке — особа знатная! Не смейте беспокоить! Завтра на рынке будем торговать! Господа, приходите с утра пораньше и ждите!

Кто-то крикнул:

— Торговцы! А товар-то какой?

Дядюшка Ван ответил:

— Лекарства с юга! Шёлк! Соль! Чай! Всё, что пожелаете!

Торговцы и разносчики зашумели:

— Как платить будем? Золотом-серебром или товаром?

— Меха нужны? Меха, скот, что угодно!

Дядюшка Ван на этом закончил:

— Завтра на рынке увидите! Господа, приносите свой лучший товар!

Пока всё кругом гудело, из самой нарядной повозки в караване сошёл мужчина в белом. Он был коренаст, с круглым животом и короткими руками, невысок ростом и неказист, но при этом важно помахивал складным веером, изображая утончённость. Когда он повернулся вполоборота, его желтоватое лицо с огромной родинкой повергло всех в шок.

Но самым отвратительным было то, что рядом с этим уродцем шли две разодетые служанки. Одна из них несла за спиной ящик для меча, что привлекало взгляды многих. У другой были узкие глаза, чуть изогнутые, словно блики на водной глади. Её осанка и грация напоминали образ милосердной Гуаньинь, которой поклоняются в храмах. Как поётся в опере «Лян Шаньбо и Чжу Интай»: «О будущем не помышляя, о заколках да платьях вздыхают, и с той поры на Гуаньинь взглянуть не смеют».

Все смотрели на Цзи Сы. Она вышла первой, протянула руки — из-под рукавов мелькнули запястья белые, как снег, — а потом... а потом подхватила этого уродца и спустила его с повозки.

Женщина поддержала мужчину, стряхнула с его одежды пыль, взгляд её был мягок, на губах играла лёгкая улыбка.

Все присутствующие: «...»

Прямо как прекрасный цветок, воткнутый в кучу навоза!

<http://bllate.org/book/16274/1465299>